

ЛОМОНОСОВ Михаил Васильевич

ЛОМОНОСОВ Михаил Васильевич [8 (19) IX 1711, дер. Мишанинская Куростровской волости Двинского у. Архангельской губ. — 4 (15) IV 1765, Петербург; похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры]. Отец — Василий Дорофеевич, черносошный крестьянин-помор, мать — Е. И. Сивкова (ум. ок. 1720). Отроческие годы Л. омрачены жизнью с мачехами, Ф. М. Уской (ум. 1724) и И. С. Корельской (с 1724). Примерно с 10 лет Л. уходил с отцом на промысел, помогал в соляном деле, сборе жемчуга. Он бывал в Архангельске, на Соловецких островах, Кильдине, Коле, Мезени, в Пустозерске. Знания и навыки, полученные в морских путешествиях, были использованы впосл. при разработке Л. промышленных и экономических проблем, а впечатления от путешествий (сев. сияния, айсберги, знакомство с обычаями и языками сев. народов) нашли отражение в научных и литературных трудах Л.

Грамоте Л. обучился в 11—12 лет. Первыми его учителями были дьячок Семен Сабельников и сосед, крестьянин Иван Шубный (отец скульптора Ф. И. Шубина). Обстановка в доме, не благоприятствовавшая обучению, описана Л. в письме *И. И. Шувалову* (от 31 мая 1753). Др. сведения об этой поре жизни Л. известны из биографий, составленных по живым преданиям младшими его современниками (*Н. И. Новиковым*, *М. И. Веревкиным*, *И. И. Лепехиным*); ряд приводимых ими фактов впосл. был подтвержден исследователями. После 1724 получил в наследство от Х. Дудина «Арифметику» Л. Магницкого, «Грамматику» М. Смотрицкого, которые называл «вратами своей учености» (Веревкин), а также «Псалтирь рифмотворную» Симеона Полоцкого. С 1728 встречался с архимандритом Соловецкого монастыря Варсонофием, отношения с которым поддерживал до конца его жизни (письмо Л. к нему от 1758). Пел и читал на клиросе приходской церкви, отличаясь умением «произносить читаемое расстановочно, внятно, а при том и с особою приятностью и ломкостью голоса» (Веревкин). Переписал службу и житие Димитрия Солунского (список неизв.); скреплял своей подписью различные документы (самый ранний автограф — 4 февр. 1726). Сведения о том, что Л. обучался в старообрядческой Выговской пустыни, недостоверны.

9 дек. 1730 Л. без ведома отца ушел из дома, выправив паспорт в Холмогорской воеводской канцелярии до сент. 1731 и заняв у Фомы Шубного три рубля денег и полукафтаны. По дороге останавливался в Антониево-Сийском монастыре. Затем с рыбным обозом в нач. янв. 1731 прибыл в Москву (жил у подьячего Сысского приказа Ивана Дутикова). Собирался поступать в Навигацкую школу, но ее старшие классы были уже переведены в Петербург, а в оставшейся в Москве цифирной школе Л. учиться не захотел и подал прошение о зачислении в Славяно-греко-лат. академию («Спасские школы»), назвавшись сыном холмогорского дворянина. 15 янв. зачислен после экзаменационного «допроса» ректора Германа Копцевича. Из-за незнания латыни определен в самый низший класс — фару. Сносил насмешки товарищей: «... школьники, малые ребята кричат и перстами указывают: смотрите-де, какой болван лет в двадцать пришел латине учиться»; жил на 3 коп. в день: «... имел я со всех сторон отвращающие от наук пресильные стремления, которые в тогдашние лета почти непреодоленную силу имели» (письмо Шувалову 10 мая 1753). После 1731 Л. был объявлен на родине «в бегах» (подати за него до 1741 платил отец, в 1741—1747 — крестьяне Куростровской волости из мирской суммы). За полтора года сдал экзамены за четыре младших класса и летом 1732 зачислен в класс пиитики, которую преподавал *Феофилакт Кветницкий*. В 1734 в классе риторики слушал *Порфирия Крайского* (сохр. запись его лекций рукой Л. — РГБ).

В сент. 1734 хотел попасть с Оренбургской экспедицией И. К. Кириллова в «Каракалпакские земли священником», назвавшись сыном попа. Узнав, что сведения проверяются в Камер-Коллегии, признался в своем крестьянском происхождении и в экспедицию не поехал (сведения о пребывании Л. в Киево-Могилянской академии в 1735

малодостоверны). Осенью 1735 Л. перешел в класс философии, который вел *Феофилакт Лопатинский*.

В нояб. 1735 Л. подал прошение об отправке его в Акад. ун-т в Петербурге. В числе студентов «остроумия не последнего» 1 янв. 1736 прибыл в Петербург. Там 29 янв. приобрел «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» *В. К. Тредиаковского* (на полях экз. СПбФ АР АН (ф. 20, оп. 2, № 3) есть критические пометы). Весной начались ежедневные занятия нем. языком, кроме того, нерегулярные занятия математикой у *В. Е. Адодурова* и физикой — у Г.-В. Крафта. Вскоре Л. был включен в группу студентов (Д. И. Виноградов, Г. У. Райзер) для обучения горному делу во Фрейберге у Ф.-И. Генкеля. 23 сент. 1736 студенты отбыли из Кронштадта, 3 нояб. прибыли в Марбург для предварительной подготовки у Х. Вольфа (химия, механика, физика, логика, рисование и др. курсы у проф. И. Конради, Ю.-Г. Дуйзинга и самого Вольфа). Сохранились полугодовые отчеты студентов, представляемые в Академию наук (с 4 сент. 1737 также на нем. языке); с осени 1738 они стали сопровождаться научными рефератами (specimina).

Серьезные занятия не помешали Л. и его товарищам вести разгульную жизнь. Выданные Академией деньги на их содержание и обучение были промотаны, в городе за ними упрочилась репутация несостоятельных должников и буянов. Узнав об этом от Вольфа, Академия поспешила летом 1739 перевести студентов из Марбурга во Фрейберг. В ответ на укоры и наставления Вольфа при расставании Л. «от горя и слез не мог промолвить ни слова» (письмо Вольфа в Петербург 21 июля 1739).

14 июля студенты прибыли к Генкелю. Вскоре начались столкновения Л. с ним, которые привели в янв. 1740 к их ссоре, а в нач. мая 1740 — к уходу Л. из Фрейберга. 19 мая Л. прибыл в Лейпциг, чтобы с помощью рус. посланника Г.-К. Кайзерлинга вернуться в Петербург, но узнав, что он разминулся с ним, направился вслед за ним в Кассель; не застав его и здесь, — к рус. посланнику А. Г. Головкину в Гаагу. По дороге задержался в Марбурге, где 6 июня 1740 женился на Елизавете Христине Цильх, дочери пивовара, в доме которого ранее жил (позднее она, разыскав Л., приехала к нему в Петербург в нояб. 1743). Осенью Л. через Франкфурт по Рейну прибыл в Гаагу, но не получив поддержки А. Г. Головкина, отправился пешком в Амстердам, Лейден (под Дюссельдорфом из-за своего богатырского роста был завербован в прус. армию, но, проявив решимость и отвагу, бежал ночью из крепости Везель), Гессен, Зиген и снова в Марбург, откуда связался с Генкелем, а через него с Академией наук. Весной 1741 он получил приказание вернуться в Петербург, а также деньги на погашение долгов и на дорогу.

8 июня 1741 Л. из Любека прибыл в Петербург и был благожелательно принят в Академии, хотя еще в 1743, когда он находился под следствием за нанесенные им оскорбления нем. коллегам, ему поминали «непорядочные и беспокойные поступки» во Фрейберге. Жил в академическом (Боковом) доме (2-я линия Васильевского острова; с 1745 там же имел квартиру), с 1757 в собственном каменном доме на р. Мойке. В янв. 1742 был произведен в адъюнкты физического класса и с сент. должен был читать лекции по химии и физике (не состоялись). 25 июля 1745 получил звание профессора химии (после 1747 — академик) и занял место И.-Г. Гмелина. В окт. 1745 последовал указ Сената о чтении Л. первых в России лекций на родном языке по экспериментальной физике. Единственная лекция (др. не состоялись) была прочитана 20 июня 1746 и собрала «многочисленное собрание воинских и гражданских разных чинов слушателей» (СПб. вед. № 50).

Основным предметом занятий Л. до 1754 стали физико-химические исследования, гл. о. в открытой его стараниями в окт. 1748 Химической лаборатории. Их результаты он не только публиковал в ученых «Commentarii» и «Novi Commentarii», но и докладывал в публичных заседаниях Акад. собрания: 6 сент. 1751 он произнес «Слово о пользе химии», пропагандирующее прикладное значение науки, 26 нояб. 1753 — посвященное памяти Г.-В. Рихмана «Слово о явлениях воздушных», где изложил свою теорию атмосферного

электричества, 1 июля 1756 — связанное с астрономическими интересами Л. (открытие атмосферы вокруг Венеры, изобретение новой системы телескопа) «Слово о происхождении света», в котором доказывалась волновая природа света, 19—20 авг. 1757 — «Слово о рождении металлов» (по поводу лиссабонского землетрясения), излагавшее основные принципы геологии и теорию землетрясений. «Рассуждение о большой точности морского пути» (8 мая 1759) связано с географическими работами Л.: картографированием России и поисками Сев.-вост. пути в Индию. В последнем выступлении «Рассуждение о твердости и жидкости тел» (6 сент. 1760) Л. изложил основные положения закона сохранения вещества. Кроме популяризации знаний слова Л. сыграли большую роль в развитии светских ораторских жанров.

Кроме научных работ Л. как член Академии наук выполнял множество обязанностей: он держал корректуру календаря на 1746 год, с 6 мая 1748 по 23 марта 1751 проверял переводы иностранных известий для «СПб. вед.»; до нач. 1750-х гг. регулярно переводил с нем. на рус. язык работы Г.-В. Крафта и Г. Гейнзиуса (переводы обогатили рус. язык новой терминологией), иллюминационные и др. сочинения Я. Я. Штелина, сам занимался (до марта 1755) составлением иллюминаций. Л. регулярно просматривал переводы и сочинений (С. С. Волчков, И. С. Горлицкий, К. А. Кондратович, С. П. Крашенинников, В. И. Лебедев, Г. Н. Теплов), так и сторонних авторов (И. К. Голеневский, Г. Дандоло, П. Н. Крекшин, И. В. Шишкин), в конце концов заявив, что «цензором быть не желает» (январь 1762). В сент. — окт. 1757 Л. поручают сделать замечания на рукопись «Истории Петра Великого» Вольтера и подготовить для него материалы о стрелецких бунтах, самозванцах, о государях Михаиле, Алексее, Федоре, о правлении Софьи.

3 янв. 1754 Л. предложил продолжить издание «Примеч. к Вед.»; его план осуществился в виде журнала «Ежемес. соч.» (с 1755). К лету 1759 относится др. замысел — выпуск газеты «Рос. вед.», оставшийся неосуществленным.

К 1754 главными научными занятиями Л. становятся химия стекла и мозаичное дело. Весной 1753 Л. получает землю с приписанными к ней 200 душами (для этого 24 февр. — 23 марта 1753 он ездил в Москву; императорский указ на этот счет последовал 15 марта 1753). Летом он приступил к строительству собственного дома, а также бисерной и мозаичной фабрики в Усть-Рудице. Кроме немногих малых портретов (Елизаветы Петровны, Петра I, И. И. Шувалова), выполненных Л. по заказу Шувалова, он вынашивал проект создания мозаичного памятника Петру I в усыпальнице Петропавловской крепости (утвержден указом 26 окт. 1760). Вероятно, с этим проектом связана единственная большая мозаика «Полтавская баталия» (оконч. в марте 1764). Известны также его замыслы мозаичных памятников Елизавете Петровне и *Екатерине II*, относящиеся к 1760-м гг.

13 февр. 1757 Л. был назначен членом («советником») Акад. канцелярии и получил возможность влиять на административные и хозяйственные дела Академии наук Главной сферой его административной деятельности становится учебная часть Академии: гимназия и университет. Еще ранее, когда Л. находился под арестом по делу И.-Д. Шумахера (с 28 мая 1743 по 18 янв. 1744), он жаловался Следственной комиссии на плохую организацию учебного процесса в Академии (вероятно, ему принадлежит «Нижайшее доказательство о том что здесь, при Академии, нет Университета»). Позднее он неоднократно подавал «мнения» о расширении гимназии за счет учеников из податных сословий (март — апр. 1746, февр. — март 1755). Мысль о необходимости подготовки рус. кадров взамен приглашаемых иностранцев положила начало многочисленным конфликтам Л. с начальством и коллегами.

В июле 1754 Л. в письме к И. И. Шувалову изложил идеи реорганизации Акад. ун-та и дополнил их в апр. 1755 «Проектом регламента московских гимназий». В марте 1758 он составил подобный проект для Акад. гимназии и вместе с регламентом Акад. ун-та предложил его для обсуждения Акад. собранию. 19 янв. 1760 гимназия и университет были переданы в полное распоряжение Л., несмотря на противодействие И. И. Тауберта и

И.-Д. Шумахера. В гимназии Л. удалось наладить регулярные занятия, заменить инспектора К.-Ф. Модераха С. К. Котельниковым, в университете — упорядочить преподавание, увеличить число посылаемых на учебу за границу студентов, пополнить штат рус. профессорами.

Еще большее противодействие и конфликты вызывали безуспешные попытки Л. реформировать саму Академию, сделать ее научным учреждением, тесно связанным с жизнью страны. С этой целью он пытался обращаться к императрице, что удавалось благодаря покровительству М. И. Воронцова, с 1750 — И. И. Шувалова и с 1763 — Г. Г. Орлова. 28 авг. 1750 в Царском Селе на приеме у императрицы Елизаветы Петровны он имел с ней беседу о значении науки для рос. промышленности. В 1763 он лично вручил Екатерине II план организации экспедиций для составления «Российского атласа».

В последние годы жизни Л. особенно волновало практическое приложение академических штудий. Основным местом его работы с 1760 становится Геогр. деп. (который безуспешно пытались изъять из его ведения в авг. 1763). Кроме картографирования страны он собирает и осмысляет материалы о ее хозяйственно-экономическом положении. Эти интересы отражает перечень намеченных (в виде писем к Шувалову) работ, из которых известно только «Письмо о сохранении и размножении русского народа» (1761; из-за резкости оценок было допущено цензурой к полной публикации лишь в 1871).

Борьба с академическими чиновниками сопровождалась громкими скандалами, т. к., отстаивая общие принципы, Л. нападал на личности. Особой непримиримостью отличалась борьба вокруг устава Академии. 23 февр. 1755 при пересмотре устава 1747 произошла ссора Л. с Г. Н. Тепловым, чуть не вызвавшая в марте отстранения Л. от участия в заседаниях Акад. собрания. С 1760 Л. делает наброски соображений о переустройстве Академии. Собственно над уставом Л. работал в нач. 1764 параллельно с сочинением «Краткой истории о поведении Акад. канцелярии в рассуждении ученых людей...», которая описывала столкновения Л. с его недоброжелателями начиная с 1740-х гг. (после смерти Л. получила широкий общественный резонанс).

Главной мыслью Л. было расширение автономии Академии. Он был против наделения большими полномочиями президента и отводил ему, скорее, представительскую роль. Учеными делами должен был заниматься вице-президент; о введении этой должности Л. ходатайствовал перед М. И. Воронцовым еще 30 дек. 1759 (и повторно 22 авг. 1760). Научную жизнь Академии должны были определять ее члены («Академия сама себя правит»), коллегиальное управление отделяло научную деятельность от хозяйственной, и Акад. канцелярия упразднялась. Ведущее положение отводилось рус. ученым: предполагалось, что они постепенно заменят приглашаемых иностранцев. Академия освобождалась от налогов и «происков» (вмешательства властей), члены ее приравнивались по чинам к служащим дворянам, не исключая и разночинцев («чей он сын, нет нужды»); они могли принимать участие в работе государственных учреждений. Кроме того, Академия освобождалась от духовной цензуры. Проект устава через Г. Г. Орлова был передан Екатерине II; однако лишь после смерти Л. некоторые, не самые радикальные, его предложения были частично осуществлены.

После переворота 28 июня 1762 Л. как приверженец партии Воронцовых—Шуваловых был обойден новыми назначениями, а усилившееся влияние Теплова и И. И. Тауберта чуть не привело к его отставке. Мрачные настроения лета — осени 1762 усугублялись болезнями. Но пришло наконец европ. признание: с 1763 он член Стокгольмской академии, с 1764 — Болонской; обсуждался вопрос о его избрании в Парижскую академию. Возможно, поэтому Екатерина II, подписав 2 мая 1763 указ о «вечной от службы отставке» Л. (в соответствии с его просьбой от 24 июля 1762), уже 13 мая отозвала указ, а 15 дек. 1763 пожаловала Л. в ст. советники. Доказательством признания заслуг Л. было посещение императрицей дома ученого 7 июля 1764. Надеясь на новый разговор с Екатериной II, он составляет план, который стал своего рода завещанием. В

нем, в частности, Л. характеризует свою жизненную просветительскую позицию: «За то терплю, что стараюсь защитить труды П<етра> В<еликого>, чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство...».

За гробом Л. среди «огромного течения народа» шли члены Сената и Синода, академики. Смерть Л. вызвала публичные споры о значении его деятельности, прежде всего литературной. На кончину Л. были написаны эпитафии *Ип. Ф. Богдановичем* (текст неизв.), И. К. Голеневским и *Л. И. Сичкаревым*. А. П. Шувалов издал в Париже вою «Ode sur la mort de m-r Lomonosoff» (к ней приложена составленная им первая биография Л.), а Н.-Г. Леклерк 22 апр. 1765 произнес в Акад. собрании «Речь в память Ломоносова». Содержащиеся в ней похвалы Л. показались академикам чрезмерными; вероятно, по этой причине не была произнесена надгробная речь Штелина. По заказу М. И. Воронцова им была составлена лат. надпись на надгробном памятнике Л. (ит. памятник из белого мрамора, поставленный Воронцовым по проекту Штелина, не сохр.).

Литературная деятельность Л. началась в Германии. Еще в Марбурге, возможно не без влияния Вольфа, определилась его ориентация на европ. классицизм, который воспринимался им через труды И.-К. Готшеда и Лейпцигского Нем. о-ва. Л. конспектирует статьи Готшеда в журнале «Beiträge zur kritischen Historie der deutschen Sprache, Poesie und Beredsamkeit» и его «Versuch einer kritischen Dichtkunst...» («Опыт критической поэтики...»), трактат Псевдо-Лонгина «О возвышенном» (во фр. переводе Н. Буало), руководство И. Гюбнера «Neuvermehrtes Poetisches Handbuch» («Вновь пополненный поэтический справочник»), увлекается поэзией И. Гюнтера. В Марбурге Л. продолжает собирать свою библиотеку. В списке книг, купленных в 1738 (59 назв.), — пособия для изучения языков, грамматики, словари, поэтики Эразма Роттердамского, Б. Нейкирха, Ф.-А. Помея, И. Гюбнера. С кон. 1736 до сер. 1739 слушает курс римского красноречия, берет уроки фр. языка, знакомится с фр. сочинениями XVII в. по риторике. В качестве отчета об этих занятиях посылает в Петербург (15 окт. 1738) перевод оды Ф. Фенелона «Ode à l'abbé de Langeron», чистая силлаботоника которого (хорей — влияние Третьяковского) предвосхищает его будущую реформу стиха. К этому периоду относится и первый ямбический опыт Л. «Хвалить хочу Атрид...» — перевод стихотворения, приведенного на греч. и нем. языках Готшедом в статье «Versuch einer Uebersetzung Anasteons» («Опыт перевода Анакреона»), который в посл. был использован Л. в «Разговоре с Анакреоном» (1758—1761).

Во Фрейберге Л. завязывает знакомство с В. Юнкером, общение с которым сформировало ориентацию Л. на лейпцигский классицизм. С ним в дек. 1739 Л. посылает в Петербург «Письмо о правилах российского стихотворства» (опубл. Соч. 1778) и как иллюстрацию к нему оду «На взятие Хотина» (опубл. Соч. 1751). Последовательно критикуя главные положения «Нового и краткого способа...» Третьяковского, Л. формулирует свою версию силлаботоники. Ее основные принципы: строение стиха на основе равного числа тонических ударений, двустопные и трехстопные метры, равноправие мужской, женской и дактилической рифм — останутся незабываемыми для последующей рус. поэзии. «Письмо...» вызвало вялую реакцию в академическом кругу: Третьяковский сочинил обращенный к Л. ответ (не сохр.), который не был ему отослан и который автор забрал из Академии (прошение от 26 окт. 1743). Современникам «Письмо...» не было широко известно, равно как и первая редакция оды (сохр. только фрагменты в «Риторике» 1744). Адодуров и Штелин, однако, «были очень удивлены таким небывалым в русском языке размером стихов». Оду восприняли как переложение оды Гюнтера принцу Евгению «Auf den zwischen ihro kais. Majestät und der Pforte an 1718 geschlossenen Frieden», из которой Л. действительно заимствовал отдельные стихи; позднее противники упрекали Л. в том, что он «Гюнтера обокрал». О новой системе стихосложения современники узнавали не из трактата, а из поэтической практики Л.

К авг. 1741 относится первое выступление Л. в печати: оды «Нагреты нежным воды югом...» и «Первые трофеи» (Примеч. к Вед. Ч. 66—68, 73, 74); в февр. 1742 была

опубликована ода по случаю приезда в Россию вел. князя Петра Федоровича. Эти оды имели успех. Л. прочно занял в Академии наук место оригинального рус. стихотворца. Ему поручаются стихотворные переводы с нем. языка оды Штелина на восшествие на престол Елизаветы Петровны (Примеч. к Вед. 1741. Ч. 98—102), оды Юнкера «Венчанная надежда» (изд. 1742); с фр. языка — пролога Штелина «Россия по печали паки обрадованная» к опере П. А. Д. Метастазо «Clemenzo di Tito» для постановки на коронационных торжествах в Москве. Шумахер отзывается о работе Л. с большой похвалой; по его словам, у Л. появились почитатели, «которые превозносили до небес его стихи и перевод» (письмо Штелину 15 марта 1742). С целью распространения тонической системы стихосложения Л. намечает курс рус. «стихотворческих лекций» для студентов и всех желающих, который предполагал прочесть в сент. 1742 (не состоялся из-за произошедших в Академии волнений).

Первыми переняли тоническую систему стихосложения А. П. Сумароков, с которым вскоре у Л. завязываются дружеские отношения (по словам Сумарокова, они «были приятели и ежедневные собеседники»), и Третьяковский. Спорный вопрос о семантике и жанровой принадлежности стихотворных метров, в частности ямба, было решено вынести на суд знатоков (идея принадлежала Сумарокову). Текст псалма 143 Л., Сумароков и Третьяковский переложили согласно своим убеждениям: первые — ямбом, последний — хореем. О результатах соревнования можно было судить по изданию «Три оды парафрастические псалма 143, сочиненные чрез трех стихотворцев» (напечатано в дек. 1743, вышло в свет в 1744; по некоторым сведениям, было напечатано 150 экз.). Спор о стихотворных метрах был продолжен (видимо, без согласия Л.) в журнале «Полезное увеселение» (1760. Ч. 1. Янв.), где М. М. Херасков поместил хорейский перевод оды Ж.-Б. Руссо «На счастье» Сумарокова рядом с ямбическим переводом Л. (последний оставался для Г. Р. Державина образцом совершенной оды).

В том же 1743 Л. написал «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия», в котором в качестве примеров риторических фигур предлагались примеры стихотворных размеров как из оригинальных произведений Л., гл. о. отрывки од, также любовной песни (хорей), анакреонтического стихотворения (трехстопный ямб), так и из переведенных им древних авторов (александрийский стих, гекзаметр, амфибрахий). В янв. 1744 рукопись была отправлена в Москву Штелину для поднесения вел. князю Петру Федоровичу; затем, отосланная обратно, была рассмотрена в Акад. собр. и, согласно рекомендации Г.-Ф. Миллера, 16 марта возвращена Л. для перевода руководства на лат. язык и дополнения его примерами из новых риторов.

С 1744 по 1747 Л. коренным образом перерабатывает «Краткое руководство к риторике...», создавая «Краткое руководство к красноречию...», первую часть теории словесности, включающую и вопросы литературного языка (здесь впервые была сформулирована «теория трех штилей»; т. о., «Руководство» предопределило появление «Грамматики»); в него добавлены новые главы «о возбуждении, умалении и изображении страстей» и «о хрии»; в самостоятельные главы выросли некоторые положения «Краткого руководства к риторике». Изобилие примеров, гл. о. из «риторов» древности, а также Средневековья и Возрождения (из «новых» классических «риторов» вошли лишь Э. Флешье и И.-Л. Мосгейм; рус. авторов, кроме самого Л., нет), переведенных Л. на рус. язык, придали этому сочинению значение антологии мировой литературы. В своей работе Л. использовал иезуитские риторик XVII в. Н. Коссена «De eloquentia sacra et humana», Ф.-А. Помея «Novus Candidatus Rhetoricae» и И.-К. Готшеда. Большая часть тиража книги погибла при пожаре Кунсткамеры и типографии в 1747; новый набор (с несущественными изменениями) поступил в продажу весной 1748 (переизд. — Соч. 1759. Т. 2; отд. — 1765).

Продолжавшая «Краткое руководство к красноречию...» «Оратория, или Наставление к сочинению речей в прозе» упоминается Л. как якобы готовая к печати в письме к Шувалову (от 31 мая 1753). Завершающую часть сочинения, посвященную «стихотворству вообще», Л., по его словам (отчет о работах 1751—1756), «диктовал

студентам» в 1751 (текст неизв.). Эти лекции по рус. стихосложению были первыми в истории Академии наук; среди слушателей был *Н. Н. Поповский*.

Заслугой Л. стало не только создание, но и разработка ямба, гл. о. четырехстопного, с его метрическими, синтаксическими и интонационными возможностями. Это наблюдается уже в Хотинской оде 1739, а затем закреплено в др. 19 известных одах. С нач. 1740-х гг. оды Л. почти полностью вытесняют нем. академические стихи и становятся обязательной частью придворных торжеств. Их отработанная и почти неизменная форма утверждает канон одической поэзии: деление на строфы по 10 стихов, стабильная рифмовка (aBaBCCdEEEd), определенный круг тем и устойчивый одический словарь. Оды Л. отличает особое качество доромантической лирики — «парение». Одический «beau desordre» («прекрасный беспорядок») понимается им как принцип построения оды на контрастах образов, интонации, лексики. Такой, отнесенный Л. к риторике вообще, стилистический прием был определен им как «сопряжение далековатых идей» («Краткое руководство к красноречию», § 27).

В своей основе оды Л. разрабатывают приемы фр. и нем. оды, однако в них находят отражение и рус. панегирическая традиция. В оде 1743 Л. определяет круг тем и ценностную систему лирики. Главным героем поэзии становится Россия и рус. народ, а поэт — глашатаем его бедствий и чаяний; примером для подражания, чуть ли не божеством провозглашается Петр I. Мир («тишина») расценивается как высшее благо государственного существования, война же представляется необходимостью, «положенной судьбой» для испытания народа. Воспевая победы и сражения, Л. не забывает о «плачевном побежденных стоне», что диссонировало с обычной мажорной одической тональностью и вызывало насмешки (Сумароков). Горячее желание благополучия России сообщает одам Л. удивительное напряжение, а чувство сострадания к врагам и побежденным — подлинно гуманный характер. Мир ломоносовских од озарен светом, настроению веселья и ликования, господствующему в них, соответствует стремительность и звучность стиха. В великолепных картинах мирной жизни, где царят весна, лето и осень, сказалась традиция европ. пейзажной поэзии.

Для од Л. характерна тонкая оценка внутренней и внешней политической жизни России. Мирное процветание рос. державы, ее будущее неразрывно связаны для Л. с развитием промышленности, успехом наук (тема странствующих муз, ныне обретших свое пристанище в Петербурге, восходит к топике европ. литературы Средних веков и Возрождения). В духе петровской политики Л. считает необходимым полное включение России в европ. цивилизацию; историческую роль России он видит в свою очередь в цивилизации вост. народов. Постоянное напоминание об этом, изображение идеала просвещенного правления — один из обязательных элементов од Л., что позволяет рассматривать их как своего рода политическую программу.

Наибольшей известностью пользовались Хотинская ода (А. П. Шувалов называл ее в числе лучших произведений Л.) и оды 1747 и 1748. В оде 1747, написанной в год утверждения регламента Академии — наук, по словам А. Ф. Мерзлякова, «дышит небесная страсть к наукам». Уже в XVIII в. она стала хрестоматийной и образцовой (как пример совершенства ее фрагменты приводит Державин в «Рассуждении о лирической поэзии...»). Положение Л.-поэта окончательно упрочила ода 1748 «На день восшествия...» (отчет о торжествах см.: СПб. вед. 1748. № 96), за которую императрица пожаловала Л. «две тысячи рублей в награждение». Н. И. Панин, получивший оду от М. И. Воронцова, писал из Швеции: «Есть с чем <...> в нынешнее время наше отечество поздравить» (Арх. кн. Воронцова. М., 1885. Кн. 7. С. 460).

Духовные оды (переложения псалмов 1, 14, 26, 34, 70, 103, 143, 145) создавались Л. в 1743—1751 (вошли в Соч. 1751); в них Л. акцентировал мотив борьбы с неправедными врагами, имеющий, по-видимому, автобиографический характер и повторяющийся, порой дословно, в его письмах к Шувалову. Пушкин назвал духовные оды Л. «вечными памятниками русской словесности». Опасение «дать другой разум» (т. е. мирской)

библейским стихам (письмо *В. Н. Татищеву* от 27 янв. 1749) помешало Л. продолжить перевод Псалтыри.

На протяжении всей жизни Л. размышляет о возможности примирения научного миропонимания с верой. Впервые сомнение в достаточности рационально-научного объяснения природы вещей прозвучало в натурфилософской оде «Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великого северного сияния» (1743). В 1761 он находит необходимым приложить к статье «Явление Венеры на Солнце» «Прибавление», в котором доказывает совместимость гелиоцентрического учения с верой. Стихи, включенные в «Прибавление», — «Я долго размышлял и долго был в сомненье...» (переложение строк сатиры Клавдиана «Против Руфина»), «Ода, выбранная из Иова» (1757) и натурфилософская ода «Утреннее размышление о Божием Величестве» (ок. 1747) — раскрывают представление Л. о Боге прежде всего как Создателе мира и человека (что позволяет считать его деистом). Многократно высказанная Л. мысль о господстве «промысла вышнего во всем», постоянное присутствие в его одах ветхозаветного Богатворца обнаруживают общую религиозность Л., что не исключало, однако, его конфликтов с церковью.

В марте 1757 Синод подал императрице доклад о «пашквильных стихах» «Гимн бороде», в котором сообщалось, что во время «свидания и разговора» с синодальными членами Л., «сверх всякого чаяния, сам себя тому пашквильному сочинению автором оказал» и «начал оный пашквиль шпынски защищать». Сатира, восходящая к традиции новолат. антиклерикальных стихов, в контексте рус. культуры воспринималась как особенное кощунство. По преданию, адресатом ее был архиепископ *Сильвестр Кулябка*. Поводом для сатиры послужило ужесточение духовной цензуры, незадолго до того изъявшей стихи о множественности миров из перевода Н. Н. Поповского «Опыт о человеке». Ответом на «Гимн бороде» были анонимные письма против Л., подписанные псевдонимом «Христофор Зубницкий» и содержащие «перевернутую» пародию «Передетая борода, или Ими пьяной голове». Наиболее вероятным автором их считается член Синода *Димитрий Сеченов*; сам Л. считал автором Третьяковского: ему адресована эпиграмма Л. «Зубницкому» (Третьяковский откликнулся на нее сатирой «Цыганосов, когда с кастильских вод проспится...»).

К натурфилософским одам примыкает «Письмо о пользе стекла» (1753), затрагивающее проблемы мироздания и человеческой истории и решающее их в гуманистическом духе. Это первый в России образец ученой дидактической поэмы, широко распространенной в Европе с кон. XVI в. (Л. был знаком, например, со сборником поэм Ф. Удена).

По поручению императрицы, чтобы расширить круг сочинений для придворного кадетского театра, Л. пишет две трагедии. В мае — окт. 1750 он создает трагедию «Тамира и Селим» (1-е изд. — нояб. 1750; 2-е изд. — февр. 1751; представлена 1 дек. 1750 и 9 янв. 1751). Тематически трагедия восходит к рассказу из «Синописа» о бегстве Мамай после поражения в Куликовской битве в Кафу и о его гибели. «Тамира и Селим» обнаруживает следы влияния трагедии Готшеда «Катон» и трагедий Сумарокова «Хорев» и «Гамлет». В текст трагедии вплетены «политические» наставления (напр., монологи Надира о тирании, о войне). Трагедия «Демофонт» (дек. 1750 — осень 1751) написана на сюжет мифа о Филлиде и Демофонте из «Метаморфоз» Овидия. В разработке коллизий «Демофонта» заметно влияние трагедии Расина «Андромаха» (это отмечено в пародийной афише *И. П. Елагина*, где Л. назван «*Racine malgré lui*» («Расин поневоле»)) и трагедии Сенеки «Троянки». Позднейшие критики видели недостатки трагедий Л. в несоблюдении единства действия и отсутствии цельности в характерах (Вестн. Европы. 1822. № 18), что составляло «трудности для актеров» (Драм. словарь (1787)). При этом высоко ценилось поэтическое достоинство отдельных фрагментов.

Большая часть поэтических произведений Л. была написана по заказу или по должности. К таким произведениям относятся и надписи (всего более 30 — на иллюминации, к памятнику Петру I), которым Л. придавал важное значение, включая в

свои собрания сочинений. Написанные александрийским стихом, они являют собой образец изящества и поэтического остроумия.

Особняком стоят в творчестве Л. стихотворения, не принадлежащие к официальным жанрам. Вероятно, они создавались им на протяжении всей жизни, большая часть из них относится к анакреонтике; ранние были включены Л. в «Краткое руководство к красноречию...» («Ночную темноту...», отрывки из недошедших стихотворений); в поздних: «Разговор с Анакреоном» (1758—1761, при жизни Л. ходил в рукописи) и «Кузнечик дорогой...» (1761) — наиболее открыто звучит личностное начало. Эти неофициальные стихотворения Л. отличают простосердечие и задушевность.

В 1760-е гг., несмотря на оды Екатерине II (3 оды) и стихи Г. Г. Орлову, Л. уже воспринимался как поэт прошлого царствования, «стихотворец веку <...> блаженные памяти Елисаветы Петровны» (*Порошин С. А.* Зап. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1881, запись от 17 дек. 1764).

Круг тем поэзии Л., сложившийся не без влияния нем. классицизма, дал основание причислять его к т. н. нем. «школе разума» (Л. В. Пумпянский) и к классицизму (П. Н. Берков); метафоричность и витиеватость ломоносовского стиля позволяли относить его поэзию к стилю барокко и даже к Ренессансу (А. А. Морозов). Это обусловлено реальной многогранностью поэзии Л., осуществившего синтез средневековой и новейшей литературных традиций.

Л. отличало явное нежелание участвовать в литературной жизни. К современным ему изданиям (журналы Хераскова, «Трудолюбивая пчела» Сумарокова) Л. относился с равнодушием и даже враждебностью. «Ежемес. соч.» должны были, с его точки зрения, носить научно-популярный или экономико-статистический характер. Л. сторонился литературной полемики (его отзывы на произведения Сумарокова: «Гамлет», «Эпистолы о языке и стихотворстве» — имели разрешительный характер, от отзыва на перевод Тредиаковским «Аргениды» Баркляя он уклонился (февр. 1750)). К критике в свой адрес Л. относился почти равнодушно («... все против меня намерения и движения пропустил бы я беспристрастным молчанием без огорчения» — письмо И. И. Шувалову от 16 окт. 1753). Эта позиция объясняется его идеальным (классическим) взглядом на поэзию, который предполагал незыблемый идеал, основанный на поэтическом опыте древних и подчиненный единым и непреложным законам. Л. не только не пересматривал своих «правил русского стихотворства», но фактически и не отступал от них (правке подвергались лишь отдельные языковые обороты). Это определило уникальную особенность его творчества: отсутствие в нем развития, движения.

Отсутствие связей с современными литераторами (за исключением любимого ученика Поповского) привело к изоляции Л. в литературной жизни, которая усиливалась по мере формирования литературных школ.

В самом кон. 1740-х гг. Л. разошелся с Тредиаковским и Сумароковым. В 1747 Сумароков в «Эпистоле о русском языке» апологетически писал о Л.: «Он наших стран Малгерб, он Пиндару подобен». Осенью 1748 Л. дал положительный отзыв на трагедию Сумарокова «Гамлет», но, вероятно, тогда же написал эпиграмму «Женился Стил, старик без мочи...», обыгрывающую двусмысленность выражения «нетронута взирала».

В 1747 Сумароков пишет статью «Критика на оду» («Царей и царств земных отрада...», 1747), возможно ставшую известной Л. Находя некоторые из строк оды «изрядными», Сумароков показывает нелепость отдельных выражений с точки зрения логической семантики. Позднее (статья «О стопосложении», 1770-е гг.) Сумароков признавал, что в поэтическом наследии Л. только оды наполнены «духом стихотворческим, красотой», одновременно подчеркивая, что и они изобилуют «отвратительными пороками и грамматики, и стопосложения, и худшего с лучшим сопряженного вкуса». Затемненность смысла, сочетание высокой лексики с низкой, излишний гиперболизм («надутость») становятся мишенью «Вздорных од» Сумарокова (1750-е гг.), предназначавшихся для печати. Лишь «Дифирамв» появился в «Трудолюбивой пчеле» (1759. № 10); публикацию

остальных Л. успел предотвратить. В «Трудодлюбивой пчеле» была помещена статья Тредиаковского «О мозаике» (1759. № 9). Л., сильно задетый ею, жаловался на Тредиаковского в письмах к Шувалову и Воронцову и написал эпиграмму «Злобное примирение». На закрытие журнала Л. откликнулся «Эпитафией», на которую Тредиаковский ответил стихами «Бесстыдный родомонт, иль буйвол, слон, иль кит...».

В 1750 Тредиаковский в рукописном «Письме, в котором содержится рассуждение о стихотворении...», направленном против Сумарокова, заявляет о своем приоритете в создании силлаботоники и отводит Л. лишь роль изобретателя ямба (это было повторено в «Предуведомлении» к «Аргениде», но Л. настоял на изъятии указанного пассажа при публикации). Возможно, к этому времени относится эпиграмма Л. «На сочетание стихов российских», оспаривающая первенство Тредиаковского.

Осенью 1753 Л. выступил с критикой языковых взглядов Тредиаковского в стихотворении «Искусные певцы...» (восходит к § 119 «Грамматики»). Тредиаковский автором его счел Сумарокова, поэтому именно ему адресован ответ «Не знаю, кто певцов в стих кинул сумасбродный...». Более основательно возразить своим противникам Л. намечал в статье «О нынешнем состоянии словесных наук в России» (вторая пол. 1756), которая не была закончена.

Критические выпады Сумарокова против Л. были поддержаны молодыми поэтами сумароковского круга, что привело к рукописной полемике 1753 с грубыми нападками на личность Л. Участие Л. в полемике ограничилось рукописным письмом-памфлетом, адресованным И. П. Елагину, эпистолой «Златой младых людей и беспечальный век...» (написаны по настоянию Шувалова) и эпиграммой «Отмщать завистнику меня вооружают...». Разбору литературных мнений «ненавистников» посвящено письмо Л. к Шувалову от 16 окт. 1753. В нем дана оценка средних жанров, культивируемых сумароковской школой, как малозначительных. Из письма видно, что Л. был сильно задет упреками в «надутости изображения»; в оправдание гиперболичности стиля он приводит примеры из древних.

С кон. 1750-х гг. отношения Л. и Сумарокова перерастают в стойкую неприязнь. Служебные успехи Л. вызывают басню Сумарокова «Осел во Львовой коже» (Праздное время. 1760. Февр.), где он поминает «низкую породу» Л. Последний отвечал «переворотом» «Свинья в лисьей коже» (впервые: *Курганов Н. Г.* Российская универсальная грамматика... СПб., 1769), насмехаясь над внешностью и манерами Сумарокова. В 1761, когда Сумароков хлопочет о вступлении в члены Академии наук, Л. осмеивает в письме к Шувалову (от 19 янв.) его необразованность.

Широкую огласку получил скандал вокруг речи аббата Э. Лефевра «Discours sur le progrès des beaux arts en Russie» (произнесена в салоне А. С. Строганова 16 апр. 1760), в которой Л. и Сумароков были одинаково названы «deux génies-createurs» («двумя гениями-творцами»). Л. разбил набор и уничтожил гранки находившейся уже в производстве речи. В ответ на речь Лефевра А. П. Шувалов поместил «Lettre d'un jeune seigneur russe à M. de***» («L'Année littéraire» аббата Фрерона, 1760), назвав Л. «отцом нашей поэзии». Попытка И. И. Шувалова примирить Л. с Сумароковым в янв. 1761 не удалась. Спор о том, был ли Л. единственным основоположником новой рус. поэзии, продолжился и после смерти Л. Из рус. перевода лат. надгробной надписи Штелина, сделанного И. К. Голеневским, вероятно по воле академического начальства, были изъятые строки: «Стихосложения российского установителю, трагедий на родном языке сочинителю» (это место надписи оспаривал Сумароков в статье «Некоторые строфы двух авторов», 1773).

Для популяризации литературных идей и поэтики Л. главное значение имели его прижизненные собрания сочинений. «Собрание разных сочинений» (кн. 1 — июль 1751; кн. 2 вышла посмертно в 1768) явилось итогом десятилетней литературной работы и одновременно первым собранием сочинений одного автора в России. Тексты, вошедшие в «Собрание» (10 духовных и 10 торжественных од, 19 надписей и «Слово похвальное <...>

императрице Елизавете Петровне...»), при перепечатке подвергались авторской правке (с учетом критических замечаний Сумарокова).

В 1757 Шувалов распорядился об издании всех литературных сочинений Л. в новооткрытой типографии Моск. ун-та. За изданием «Собрания разных сочинений в стихах и прозе» наблюдал Херасков (т. 1 вышел летом 1758 (на тит.: 1757), с портретом Л. работы Э. Фессара и Х. А. Вортмана, со стих. надписью Поповского; т. 2 — в 1759).

Помимо «Собр. соч.» широко издавались отдельные сочинения Л. — тираж их намного превосходил издания др. авторов.

На 1754 приходится основная работа по написанию нормативной «Российской грамматики» (первое упоминание в письме к Л. Эйлеру 27 мая 1749). Л. разрешает фундаментальный для XVIII в. вопрос о соотношении церковнослав. и рус. языков, которые рассматривает как близкие, но самостоятельные. Создание рус. литературного языка, по его мнению, предполагает введение стихии разговорного языка в литературный контекст церковнослав. и разделение общей лексики по степени близости к разговорной речи. Теоретически Л. ориентировался на древних авторов и на фр. грамматические руководства (в частности, на «Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal», 1660); ряд терминов заимствован им из грамматики Смотрицкого. 20 сент. 1755 рукопись «Грамматики» была поднесена вел. князю Павлу Петровичу (отпеч. к янв. 1757). Перевод «Грамматики» на нем. язык был поручен И. И. Стафенгагену (опубл. 1764).

Недостатком «Грамматики» считали (Сумароков) опору Л. на сев. диалект, использование преимущественно «подлых» слов, невыдержанность стиля. Однако, как писал тот же Сумароков, «множество людей не спрашивали больше доказательства, кроме сего, что так написано в Грамматике», и самые ошибки Л. «приняли украшением пиитическим». Последующие грамматики (в частности, грамматика Рос. Академии, 1794) опирались на «Грамматику» Л. Она имела решающую роль при написании, грамматик Ю. Вишневого и И. Добровского. Принцип лексикографии Л. был руководящим при составлении «Словаря Академии Российской».

«Теория трех штилей», сложившаяся под влиянием языковой теории фр. классицизма, изложена Л. в «Предисловии о пользе книг церковных» (Соч. 1757; написано специально для этого изд. по заказу Шувалова). В нем Л. различает три языковых пласта, нормативное употребление которых в трех разных комбинациях образует три «штиля» рус. литературного языка: высокий, средний и низкий. Одновременно с этим Л. выстраивает и иерархию литературных жанров, классифицируя их согласно «штилям». «Предисловие», т. о., тесно примыкает к «Грамматике» и «Риторике». Отсутствие исторического подхода придало некоторую механистичность языковой теории Л., что особенно сказалось в характеристике среднего стиля и предопределило неизбежность языковой реформы *Н. М. Карамзина*. Влияние Л. на рус. литературный язык сказывалось и в последующей языковой теории, и в практике: при толковании слов академический словарь широко пользовался примерами из художественного творчества Л. (подавляющее большинство литературных примеров взято из поэтических текстов Л.).

Теория словесного искусства Л. была с успехом применена им на практике, при создании «слов». 26 нояб. 1749 Л. произнес «Слово похвальное <...> Елизавете Петровне...», которое снискало «рукоплескание двора» (2-е изд. — в составе брошюры «Торжество Академии наук ...»; автоперевод на лат. язык: «Panegyricus Elisabetae Augustae», 1749). Эйлер в письме от 19 дек. 1749, назвал его «un chef d'oeuvre dans son genre» («шедевром в своем жанре»).

В течение 1753—1754 Л. работал над похвальным словом Петру Великому (произнесено на ассамблее 26 апр. 1755; сообщение: СПб. вед. 1755. № 28). 1-я редакция была частично переведена на фр. язык Ф.-Г. Штрубе де Пирмонтом (до сент. 1757), в 1759 перевод был окончательно завершён Т. Чуди, напечатан и отправлен Вольтеру Б числе материалов по истории Петра I. Вольтер не придал ему никакого значения. Напротив, Готшед счел нужным опубликовать произведение Л. в нем. переводе («Das Neuste aus der

anmutnigen Gelehrsamkeit», 1761), отметив: «Наши читатели могут судить о том, какой мужественной силой и каким хорошим вкусом обладает этот русский вития».

Успех Л. побудил Шувалова заказать ему эпическую поэму о Петре I. Приступив к работе в 1756, Л., как говорит Штелин, «положил себе за правило ковать ежедневно по тридцати стихов», но работа шла с большими перерывами (песнь 1, завершенная к нояб. 1760 и поднесенная Шувалову, опублик. в дек. 1760; песнь 2 — в июле 1761; лат. перевод *К. А. Кондратовича* издан не был; часть поэмы во фр. прозаическом переводе вошла в сочинение Н.-Г. Леклерка «Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne» (Paris, 1783)). Сюжет морских скитаний, лежащий в основе поэмы, восходит к Гомеру и Вергилию. Выбор героя недавней отечественной истории обеспечил, с одной стороны, успех поэме, с другой — стал причиной неудачи Л. По словам Шувалова, Л. не мог закончить поэму, потому что «время для фантазий было очень близко», т. е. мешало отсутствие исторической перспективы. Штелин отмечал, что поэма Л. «заслужила одобрение знатоков и удивление многих россиян», а Н. И. Новиков говорил о ее «бессмертной славе». Молодой Державин выступил в защиту поэмы от нападок Сумарокова. *А. Н. Радищев* и Карамзин признавали опыт Л. в эпосе неудачным, отдавая предпочтение «Россиаде» Хераскова, и упрекали Л. в подражании «Генриаде» Вольтера. Но еще *М. Н. Муравьев*, восхищаясь «Петром Великим», перевел поэму на лат. язык (Вестн. Европы. 1807. № 19).

Об исторических взглядах Л. позволяет судить прежде всего его участие в полемике вокруг диссертации Г.-Ф. Миллера в Ист. собрании (сент. 1749 — сент. 1750). Л. резко выступил против норманнской версии происхождения россиян. Пространные замечания Л. на диссертацию Миллера в целом носят тенденциозный характер: история России для него это прежде всего история ее славы. «Или он не знает,— возражал ему Миллер,— каково различие между исторической диссертацией и панегирической речью?». Позднее, в 1751, Л. настаивал на изъятии из 2-й части «Сибирской истории» Миллера пассажа о «разбоях» Ермака; его противодействие вызвали также статья *Г. А. Полетики* «О начале, возобновлении и распространении учения и училищ в России...» для «Ежемес. соч.» (в марте 1757 Л. объявил Миллеру, что «сию пиесу <...> печатать непристойно, понеже в оной с X-го от Р. Х. по XVII-й ни о каких школах в России не упомянуто») и деятельность А.-Л. Шлецера.

Стимулом к самостоятельным историческим занятиям послужило высказанное весной 1753 пожелание Елизаветы Петровны видеть рос. историю, написанную «штилем» Л. К 1754 основной корпус источников, отечественных и иностранных (визант., римских, литов.), был изучен, и Л. приступил к написанию текста. Начатое в 1758 печатание (набрано всего 3 листа) было прервано самим Л. (март 1759) для переделки системы примечаний. Незаконченная, лишенная научного аппарата книга вышла в 1766 с кратким предисловием Шлецера (нем. перевод *Л. И. Бакмейстера* — Riga; Leipzig, 1768; фр. издание с нем. перевода — Paris, 1769).

С точки зрения методики «История» уступает работам Миллера и Шлецера. Для Л. характерно отсутствие критики источников, произвольная компиляция летописных свидетельств. Достоинством книги являлись ее литературный стиль и самый предмет — освещение раннего периода рус. средневековья, до Л. недостаточно известного.

Особое место занимает «Краткий российский летописец» Л. (в нем использован «Краткий экстракт...» *А. И. Богданова*). Он создавался, вероятно, как учебное руководство для вел. князя Павла Петровича (содержит стихотворное посвящение ему). Удобная для преподавания форма обеспечила «Летописцу» редкий успех (3 издания за 1760—1761; нем. пер. П. Я. Штелина — Copenhagen; Leipzig, 1765; англ. перевод — London, 1767). Работа над ним шла параллельно с «Древней российской историей».

В кон. XVIII в. поэты разных ориентации оказались единодушны в оценке деятельности и творчества Л. (Херасков, *В. П. Петров*, *В. И. Майков* и др.). Культ Л. от Хераскова унаследовал Муравьев, а от Муравьева — К. Н. Батюшков. Восхищение творчеством Л. и

его судьбой характеризует рус. мысль вплоть до Пушкина и Вяземского. Диссонансом в стройном хоре похвал звучит радищевский упрек Л. в лести и предпочтение ему Сумарокова, однако Радищев признает за Л. роль «первого», «вождя» и восхищается его одами («Слово о Ломоносове»). На разборах произведений Л. воспитывалась ранняя рус. критика (А. Ф. Мерзляков, П. Ф. Калайдович, М. А. Дмитриев и др.). Л. стал героем первого рус. биографического романа К. А. Полевого (1836).

В рус. критике и общественном сознании Л. долго оставался «Петром Великим русской литературы», как назвал его Батюшков, а затем В. Г. Белинский, подразумевавшие под этим, что именно им были осуществлены коренные реформы рус. языка и стиха.

На др. день после смерти Л. его архив был опечатан Г. Г. Орловым, а затем полностью приобретен им вместе с библиотекой. Бумаги и книги Л. находились в Штегельмановском доме Орлова, а с 1783 — в Мраморном дворце. Часть материалов была возвращена семье. Рукописи Л. в течение XIX в. распределялись гл. о. между наследниками Г. Г. Орлова и потомками Л., Раевскими, унаследовавшими Усть-Рудицу. Известен Свиныйский сборник, похищенный П. П. Свиным из Мраморного дворца не позднее 1826. В 1920-е гг. все известные рукописи и книги Л. были собраны в Архиве АН СССР (Ленинград). Предположение о существовании части архива Л. в Париже, куда эмигрировали Раевские и Орловы, не подтвердилось.

В 1778 *Дамаскин Семенов-Руднев* издал «Собрание разных сочинений в стихах и прозе» (т. 1—3), впервые включавшее наряду с художественными научные тексты Л., а также впервые в рус. издательской практике предлагавшее текстовые варианты в примечаниях; биографическая статья перепечатана с незначительными изменениями из «Опыта исторического словаря...» Н. И. Новикова.

В 1784 Рос. Академия осуществила «Полное собрание сочинений» Л. в 6-ти т., ориентированное на издание 1778. Сюда вошли все известные к этому времени тексты Л., корпус которых пополнился благодаря материалам из архивов Г. Г. Орлова и И. И. Шувалова. *О. П. Козодавлев*, готовивший т. 1, осуществил публикацию писем Л.; из частных писем они первыми получили, т. о., значение литературного памятника. Биографическая статья *М. И. Веревкина*, сопровождающая издание, написана на основании записок *П. Я. Штелина*, архивных материалов Заиконоспасского монастыря и сведений, полученных от лиц, знавших Л.

В 1891 *М. И. Сухомлиновым* было предпринято научное издание Л. (т. 1—5, включающие литературные произведения и филологические труды, подготовлены Сухомлиновым; т. 8, содержащий письма, — Л. Б. Модзалевским). Академическое издание под ред. *Г. П. Блока* и др. вышло в 1950—1959, 1983 (литературные и филологические сочинения — т. 7, 8).

Лит.: Билярский П. С. Мат-лы для биографии Ломоносова. СПб., 1865; Куник. Мат-лы для истории Академии наук. Ч. 1—2 (1865); *Пекарский П. П.*: 1) Редактор, сотрудники и цензура в рус. журн. 1755—1764 гг. // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1867. Т. 2. № 4; 2) Ломоносов. Жизнеописание // Пекарский. История Академии на ук. Т. 2 (1873); *Будилович А. С.* Ломоносов как писатель. СПб. 1871; Ломоносовский сб. СПб. 1911; *М. В. Ломоносов: Сб. статей*, Под ред. *В. В. Сиповского*. СПб. 1911; *Берков П. Н.* Ломоносов и лит. полемика его времени. 1750—1765. М.; Л., 1936; *Данько Е. Я.* Из неизд. мат-лов о Ломоносове // XVIII век. М.; Л., 1940. Сб. 2; Ломоносов: Сб. статей и мат-лов М.; Л., 1940—1989. Т. 1—8; *Менишуткин Б. Я.* М. В. Ломоносов Жизнеописание. 3-е изд. М.; Л. 1947; *Модзалевский Л. Б.* Лит. полемика Ломоносова и Третьяковского в «Ежемес. соч.» 1755 // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4; *Васецкий Г. С.* Мировоззрение Ломоносова. М., 1961; *Глинка М. Е.* Ломоносов: Опыт иконографии, М.; Л., 1961; *Коровин Г. М.* Б-ка Ломоносова. М.; Л., 1961; *Макеева В. Я.* История создания «Российской грамматики» Ломоносова. М.; Л., 1961; *Ченакал В. Л., Андреева Г. А.* и др. Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова, М.; Л., 1961; Кулябко. Ломоносов (1962); Лит. творчество Ломоносова: Исслед. и мат-лы. М.; Л., 1962; *Морозов А. А.*: 1) М. В. Ломоносов: Путь к зрелости. М.; Л.,

1962; 2) М. В. Ломоносов. 1711—1765. 5-е изд. М., 1965; 3) Родина Ломоносова. Архангельск, 1975; *Серман И. З.*: 1) Поэтический стиль Ломоносова. М.; Л., 1966; 2) Mikhail Lomonosov. Jerusalem, 1988; *Волперский В. П.* Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970; *Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б.* Судьба б-ки и арх. М. В. Ломоносова. Л., 1975; Курмачева М. Д. Петербургская Академия наук и М. В. Ломоносов. М., 1975; *Лихоткин Г. А.* Ломоносов в Петербурге. Л., 1981; *Пумпянский Л. В.*: 1) К истории рус. классицизма: (поэтика Ломоносова) // Контекст 1982. М., 1983; 2) Ломоносов и нем. школа разума // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14; Ломоносов и книга: Сб. науч. тр. Л., 1986; *Тюличев Д. В.* Книгоиздательская деятельность Петербургской Академии наук и М. В. Ломоносов. Л., 1988.

Н. Ю. Алексеева